

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПОСТСОВЕТСКАЯ СЕКСУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

30 марта 2018 года

ВСТУПЛЕНИЕ

Ольга Здравомыслова, исполнительный директор Горбачев-Фонда

Инициатива проведения этого круглого стола принадлежит Юлии Градской, историку из Швеции, с которой мы как-то обменялись репликами в фейс-буке (это, кстати, о полезности социальных сетей) по поводу того, что тема постсоветской сексуальной революции, если и не забыта, то недостаточно от-рефлексирована именно в такой формулировке — «сексуальная революция». Конечно, в постсоветском обществе это явление, этот процесс не появились неожиданно, они, безусловно, имеют историю в России XX века. Существует достаточно большой корпус работ, в том числе и отечественных, которые так или иначе эти сюжеты затрагивают. И одновременно, тема, которую мы обсуждаем, непосредственно связана с юбилеем 1968 года на Западе. В протестных движениях 1968 года вопрос об изменении гендерных отношений и сексуальной революции сыграл важнейшую, хотя неоднозначную роль.

В ходе подготовки сегодняшнего круглого стола сложилось российско-шведское сотрудничество. С одной стороны, организатором круглого стола выступает «Клуб Раисы Максимовны Горбачевой» — постоянно действующий проект, существующий в Горбачев-Фонде с 1997 года, начавшийся еще при жизни Раисы Максимовны.

Другой организатор круглого стола — Центр Балтийских и Восточноевропейских исследований Университета Сёдерторн (Швеция). Наконец, постоянный партнер Горбачев-Фонда — «Журнал исследований социальной политики» (ЖИСП), который на протяжении многих лет поддерживает исследования социальной политики и гендерные исследования.

Юлия Градскова, исследователь Университета Сёдерторн, Стокгольм

Как историк я давно интересуюсь 1968 годом в Западной Европе. И скорее с этой временной точки в истории начался и мой интерес к российской сексуальной революции, трансформации сексуальности, которая произошла в 1990-е годы в постсоветской России.

Сейчас в Швеции проходит много обсуждений, связанных с 1968 годом. Когда-то у меня была мечта найти книгу, которая могла бы объяснить, что это

было — 1968 в Европе. Но, конечно, такой книги не существует, потому что история событий 1968 года в Западной Европе гетерогенна. Связано это с гетерогенностью памяти участников событий, групп, организаций. Написать историю 1968-го довольно сложно, но мне кажется, что есть много общего у той историей с тем, что произошло в России в начале 1990-х. Это вопрос для обсуждения, для дискуссии, которую мы начинаем сегодня и надеемся продолжать.

Доклады и дискуссия

Анна Тёмкина, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге

Сексуальная революция в России: эгалитарный проект или гендерная поляризация?

Сначала скажу о некоторых ограничениях моего выступления. То, о чем я буду говорить, — это довольно широкие мазки, широкая рамка. Некоторые распространенные представления о российской сексуальной революции, как мне представляется, могут прояснить ответ на вопрос: что характерно сейчас в России для дискурсов о сексуальных домогательствах и практиках сексуальности?

В России сексуальная революция — это, конечно, с одной стороны, метафора, с другой стороны, мы придерживаемся концепции Игоря Семеновича Кона, который формулировал понятие «сексуальная революция» через описание основных трендов либерализации сексуального поведения и подчеркивал, что эти тренды в большей степени имеют отношение к изменениям в поведении женщин, чем мужчин.

Используя метафору «либерализации» сексуальности, мы и наши коллеги из Финляндии в середине 1990-х годов проводили исследование в Санкт-Петербурге. Был проанализирован большой массив текстов интервью — нарративов о сексуальной жизни. На основе результатов этого исследования нам удалось выделить три поколения сексуальной революции: поколение поведенческой революции, поколение дискурсивной революции и поколение гендерной революции.

К первому поколению относятся люди, которые родились в 1950-1960-е годы, формировались в 1970-1980-е. Это люди советского времени, которые

рассказывают о 1970-х годах, когда они жили так, как будто сексуальная революция произошла — рассказывают о внебрачных сексуальных отношениях, множественности, вариативности партнеров, некоторой вариативности сексуальной жизни. Мы назвали это «поведенческой революцией».

В России между первым и вторым этапом сексуальной революции существовал разрыв — поведенческая и дискурсивная революции произошли в разное время. В то время как на Западе они произошли одновременно в период, условно говоря, 1968 года, когда открылся дискурс, изменились поведенческие практики и произошла гендерная революция, существенно изменившая гендерные отношения.

У нас сексуальная революция прошла несколько этапов. В советское время сексуальное поведение уже менялось, но дискурсы не изменились. Хотя говорить так — в известном смысле, упрощение, потому что анализ поздних советских дискурсов показывает, что о сексуальности говорили не так уж мало. Другое дело, что само слово «сексуальность» не использовали, а в основном «половые отношения».

Можно выделить несколько потоков информации и литературы, которые существовали в позднее советское время. Во-первых, обсуждались социальные стандарты: что плохо, что не надо делать. Внебрачные связи, добрачные связи, венерические заболевания описывались как негативные явления, которых надо избегать, тем не менее описание того, что следует избегать, позволяло называть и обсуждать то, что существовало в жизни. Во-вторых, были авторы, которые писали о гармонии жизни в браке, но тем не менее допускались обсуждения некоторых поведенческих вариаций, связанных с сексуальной жизнью. Были изданы пособия для учителей, в которых вводились различия — мальчик, мужчина, девочка, женщина и обсуждались особенности сексуальной жизни, или половых отношений.

Что было достаточно прочно в официальном дискурсе? — То, что все это сводилось к браку: либо поведение отклоняется от брака, либо не отклоняется. Тема брака все это объединяла, хотя внутри нее не было полного молчания. Говорили, что в советском дискурсе не было секса: в том смысле, что не было дискурса сексуальности. Это не совсем верно: дискурс был, но довольно специфический, организованный несколькими дискуссиями позднего советского времени.

Что еще важно? Прежде всего то, что удалось выделить несколько сценариев сексуальности в рассказах людей о своей сексуальной жизни. Сексуальные практики позднего советского поколения (1950-1960-е годы

рождения) стали более либеральными в рамках демократизации сексуальной жизни и признания ценности дружеских отношений — мы назвали их романтическим и коммуникативным сценарием. Но принципиально важно, что сохранялись двойные гендерные стандарты и отсутствовали социальные институты, которые поддерживают либеральные практики сексуальности и делают их менее рискованными. В первую очередь, не было сексуального просвещения и распространения эффективной и надежной контрацепции.

Женщины в этом поколении рассказывают о себе как об объекте сексуальных отношений, о том, что их сексуальная жизнь зависит от мужчины. И если с мужчиной «не повезло», то это значит, что сексуальная жизнь у нее не удалась. Например, респондентка говорит: «...оргазм я ни разу в жизни не испытала, муж заботится только о себе». Такие высказывания не исключение, а бесконечное повторение в этих нарративах. То есть женщина — объект мужского желания, и именно таким образом она себя позиционирует.

С другой стороны, для советских женщин характерен постоянный страх абортов, который очень сильно влияет на их сексуальную жизнь. Аборты рассматриваются, в основном, как женская проблема. Когда мы спрашиваем мужчин: сколько абортов сделала ваша жена, они часто не знают, потому что это считается «женской сферой», а граница между мужскими и женскими сферами в сексуальности воспроизводится очень четко.

Дальше сценарии смещаются: мы замечаем при этом смещение у позднесоветского поколения, которое рассказывает историю своей сексуальной жизни в двух сценариях, или двух фреймах. Это романтический фрейм и дружественно-коммуникативный фрейм.

Романтический — это жизнь со страстями, сексуальная жизнь — это приложение к чувствам, к роману, к объектам. Респонденты очень много рассказывают о чувствах, взлетах и падениях, об изменах, о смене партнеров, браках и разводах и т. д. Это уже далеко не только пронаталистские сценарии, в которых женщина не удовлетворена сексуально и боится абортов, а вся сексуальная жизнь существует для того, чтобы родить ребенка и удовлетворять мужа. Романтический сценарий — это уже другое. Как и еще один сценарий, дружеско-коммуникативный, когда секс — это продолжение дружбы, тусовки, совместных интересов, совместного времяпрепровождения. В этом сценарии уже больше коммуникаций, в том числе по поводу секса, но в общем-то пары очень мало говорят о сексуальности. Сохранялся стандарт, когда женщины позиционируют себя объектом сексуального желания и объектом сексуального действия. Инициативу проявляет мужчина, за качество сексуальной жизни

отвечает мужчина, а за контрацепцию тем не менее отвечает женщина.

Следующий этап — дискурсивная сексуальная революция. Понятно, что огромное количество изменений возникает в 1980- 1990-е годы. И, соответственно, появляются новые сценарии сексуальности, которых или не было в советское время, или они были редкостью. Один сценарий мы назвали гедонистическим, другой — рыночным. Гедонистический сценарий — это сексуальная жизнь, которая становится сферой сексуального удовольствия. Дискурсивных средств появилось очень много: журналы, порнопродукция, секс-индустрия. Этот язык распространился очень быстро. И следующее поколение уже рассказывает о сексуальных практиках и техниках. Это может прилагаться и к отношениям в романтическом сценарии, но он становится более дружеским, когда много всего обсуждается. Но меняется и секс, который тоже приносит удовольствие. В таком сценарии становится более выраженным партнерство, появляется признание того, что у женщины есть сексуальные потребности. Границы между женским и мужским становятся более прозрачными.

Еще один новый сценарий — рыночный, как мы его обозначили: женщины достаточно четко позиционируют секс как обмен на некоторые блага — деньги, статус, условия жизни. Респондентка рассказывает: «...я плачу сексом за то, что меня содержат, кормят». Это не значит, что речь идет о проституции, но отношения в паре построены по принципу взаимного обмена, напоминающего рыночную модель.

С осторожностью обозначая этапы сексуальной революции, надо сказать об уменьшении роли гендерных стандартов и о том, что происходит все более заметное сближение образцов женского и мужского поведения. На постсоветском этапе признается, что сексуальные потребности женщины и мужчины практически равноправны. В этом состоит большой контраст с советским поколением: респондентки из молодого поколения рассказывают о том, как у них происходит сексуальная жизнь, как они ищут себе подходящего партнера, как они выстраивают с ним отношения.

Таким образом, ни коммуникативный, ни романтический сценарий не исчезают. Но последний рационализируется и превращается в определенную фазу жизни — не вся жизнь рассказывается через перипетии «страсти», а выделяется определенный этап, когда идет выбор, поиск. С одной стороны, сохраняется гендерное неравенство. С другой стороны, новая либеральная сексуальность предполагает большие, чем прежде, риски, и, соответственно, рефлексивность становится все более важной.

Это подтверждается в моем последнем по времени исследовании, в котором опрашиваются врачи-гинекологи и акушеры: людям стали доступны средства контрацепции последнего поколения, врачи объясняют, как ими пользоваться. Это выходит за пределы медицины, меняя поведение, хотя официальная сексуальная политика лицемерно не замечает этого и противодействует не только сексуальному образованию, планированию семьи, но и представлениям о сексуальности как о планируемой, управляемой и более безопасной.

Замечу в этой связи, что благодаря недавней истории с сексуальными домогательствами в России стало, например, понятно, что сексуальная революция действительно была ценностью для позднесоветского поколения. Речь идет о том, что через либерализацию сексуальности люди приобрели и освоили своего рода нишу интимной, романтической, сексуальной жизни, в которой они смогли дистанцироваться по отношению к государству. Это стало ценностью как для мужчин, так и для женщин. Однако и в новой ценностной системе женщина была объектом.

Поэтому при отсутствии серьезной работы по изменению гендерных стереотипов и при невлиятельности феминизма сохраняется представление о «правильной» мужественности — наступательной, инициативной и агрессивной. В позднесоветском поколении такая мужественность считается нормативной. В то же время молодые женщины уже не чувствуют себя сексуальными объектами, возникает гораздо более сложная субъектно-объектная система, но эти изменения выпадают из сферы публичного.

Я бы сказала так: особенности российской сексуальной революции обнаруживаются в ситуации с сексуальными домогательствами в России. И это определяет специфику, которая сильно отличает реакцию нашего общества и западного. Так депутат ГД РФ¹, как и большинство, считает, что «правильная» женская идентичность — когда женщину хотят все окружающие мужчины, а для мужчины — «правильно» хотеть всех окружающих женщин, поэтому поведение депутата ГД РФ, обвиненного в сексуальных домогательствах, но признающего свою правоту, не осуждается. Хотя у нас тоже происходят изменения двойного гендерного стандарта, он остается распространенным и укорененным.

Ольга Здравомыслова, Горбачев-Фонд.

Большевистская сексуальная революция: взгляд современников и

---

¹ Речь идет о депутате от ЛДПР Леониде Слуцком. — Прим. ред.

дискуссия сто лет спустя

Используя понятие «сексуальная революция», надо иметь в виду, что оно имеет по крайней мере два значения. С одной стороны, это, безусловно, процесс, у которого есть известное определение, воспроизведенное И.С. Коном: длительный дискурсивный процесс отделения сексуальности от репродукции. В основе здесь лежит рост индивидуализации, а также секуляризации и автономизации. Ценность автономии, понимание индивидом своих границ и границ Другого — чрезвычайно важны, и, собственно, это делает устойчивыми изменения, достигнутые сексуальной революцией.

Однако сексуальная революция — это, безусловно, еще и историческое событие, которое случается не в любом обществе. Тем не менее оно произошло на Западе. И оно произошло и в России.

Событие под названием «сексуальная революция в России» связано с конкретным периодом Русской революции, с 1917—1923 годами. Сексуальной революцией считается предпринятая тогда большевиками, взявшими власть, попытка «изменения русского семейного и брачного порядка» (именно так определяли это современники). Речь шла о глубоком перевороте, который они начали осуществлять и который, как они считали, имел не меньшее значение для общества, чем политическая революция.

Словосочетание «сексуальная революция» было произнесено именно тогда и именно в России. Существует почти неизвестная у нас не переведенная на русский язык работа Григория Абрамовича Баткиса, которую мне удалось прочитать, когда журнал «Демографическое обозрение» заказал мне текст, посвященный Баткису как автору брошюры «Сексуальная революция в России» (1923), переведенной на немецкий язык и опубликованной в Германии в 1930-е годы. Известно, что эта брошюра послужила одним из источников для написания знаменитой работы Вильгельма Райха «Сексуальная революция», после чего сам термин и вошел в оборот.

Важно сразу подчеркнуть, что и Баткис, излагавший идеологию и сексуальную политику большевиков, и Райх вкладывали в понятие «сексуальная революция» иной, чем современные исследователи, смысл. Этот современный подход был достаточно полно представлен в предыдущем докладе Анной Темкиной.

У большевиков речь шла о революции законов, которые (в терминологии того времени) принимаются революционной властью и осуществляют волю вождей революции. Эти законы, направленные, прежде всего, на изменение роли женщины в семье и обществе, меняют базис отношений между мужчиной и

женщиной в направлении законодательного закрепления равенства полов.

Сексуальная революция по-большевистски совпадает с принятием двух важнейших декретов советской власти: «О гражданском браке, детях и о введении книг актов гражданского состояния» (1917), «О разводе» (1917) и первого советского семейного кодекса — Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР (1918).

Не буду останавливаться на текстах законов, хотя сам их язык, безусловно, важен и интересен для анализа. Главное в них — это, во-первых, идея секуляризации, отделение брака и семьи от церкви, отмена религиозных основ брака, во-вторых, отказ от патриархальной семьи, основанной на деспотической власти мужчины над женщиной и детьми. Большевики это сделали, и другим словом, как революция, этот переворот назвать невозможно. Свод законов, отменявших семейно-брачное законодательство Российской империи, заложил основы для новых отношений между мужчиной и женщиной, семьей и государством, женщиной и государством.

Итак, большевики считали и называли сексуальной революцией переворот в сфере законодательства о семье и гендерных отношениях. Обращаясь к столь важной сейчас теме, как политизация гендера, надо помнить, что начало этому процессу было положено большевистской революцией. Впоследствии преобразования в сфере гендерных отношений, семьи и сексуальности стали одним из ключевых пунктов политики большевистской партии. Можно выделить несколько ответов на этот вызов со стороны современников Октябрьской революции.

Как оказалось, самым мощным ответом со стороны общества было неприятие сексуальной революции большевиков и сопротивление глубоко патриархального по своим взглядам и привычкам российского населения, не готового к изменениям, не понимавшего их, по сути — враждебного им.

Излишне говорить, что большевиков это не смущало, поскольку важнейшей частью их идеологической и политической программы было осуществление грандиозного проекта построения нового мира и создания нового человека. Надо сказать, что среди большевиков были и те, кто рано или поздно осознал, что они столкнулись с обществом, которое это не принимало. Точнее других это сформулировал Троцкий. Он писал, что большевики хотели кавалерийским наскоком взять патриархальную семью, но этого не получилось, потому что не бывает равенства на основе обобщенной нужды.

Известно, что в начале 1920-х годов в большевистской среде шли дискуссии об идеологии и политике сексуальной революции. В этой дискуссии

определились две разные позиции: одну представляла Александра Коллонтай, вторую — Арон Залкинд.

Сейчас, с легкой руки СМИ, их взгляды излагают скорее карикатурно. Но если внимательно и непредвзято прочесть работы Коллонтай, хотя бы ее самую известную — «Дорогу крылатому Эросу! Письмо к трудящейся молодежи» (1923), где она проповедует идеал личных отношений, лишенных экономической и любой другой зависимости, нельзя не заметить, что это предвосхищает понимание процессов демократизации семьи и трансформации интимности, возникших в последней трети XX века, да и современную дискуссию.

Залкинд, в отличие от Коллонтай, разрабатывал доктрину авторитарного регулирования сексуальности. В «Двенадцати половых заповедях революционного пролетариата» (1924) он пропагандировал подчинение сексуальности задаче «роста коллективистических чувств» в интересах «классовой организованности, производственно-творческой активности» пролетариата. И. С. Кон доказывал, что позиция Залкинда оказалась наиболее близкой советской власти, которая в той или иной степени воспроизводила ее в идеологии и сексуальной политике.

Однако нельзя игнорировать то, на что обращали внимание современники, проводившие исследования в 1920-е годы: новые нормы в какой-то мере воспринимались населением, особенно это было заметно среди молодежи. Например, в начале 1920-х годов в России снизился уровень проституции, появилась тенденция развития партнерских отношений между мужчиной и женщиной. Но эти новые нормы не были устойчивыми, и они явно конфликтовали с прежним, укорененным гендерным порядком. В итоге ситуация сложилась хаотичная, население было дезориентировано. Некоторым «творцам» сексуальной революции становилось ясно, что иметь законы — это слишком мало, это только рамка, а требуется культурная революция, без которой сексуальная не может осуществиться.

Один из самых известных консервативных критиков того периода Питирим Сорокин, опираясь на статистические и социологические данные, выступил с предупреждением о стремительной девальвации института брака и деградации морального состояния общества. Основываясь на своих наблюдениях начала 1920-х годов, Питирим Сорокин сделал выводы, которые страстно защищал до конца своей жизни: он писал об опасности, которую несут устойчивости общества сексуальная революция и сексуальная либерализация, о значении гендерного порядка, поддерживающего традиционную семью, брак и

сексуальность для преодоления хаоса, в который ввергает общество революция. В своем неприятии модернизации семьи и гендерных отношений Сорокин зашел так далеко, что его, кажется, нисколько не смущали репрессивные законы и практики, регулирующие семью и сексуальность, которые были введены в СССР в 1930-е годы.

Я считаю, что в советской России довоенного времени можно выделить два этапа революционной трансформации гендерных отношений, семьи и сексуальности. Первый — это собственно сексуальная революция, или большевистский натиск на патриархальную семью, существовавшую в царской России. Второй этап — сексуальная контрреволюция, проведенная в сталинском СССР в 1930-е годы также с помощью законов.

Результатом этого сложного, революционного по своей сути процесса было установление особого этатистского гендерного порядка, или (по определению Е. Здравомысловой и А. Темкиной) «советского патриархата». Базовыми в нем были новая роль и новый социальный статус женщины как работающей матери. Таким образом произошло соединение традиционного представления о «естественном» предназначении женщины и представления о «равноправной» женщине — матери и труженице, выполняющей обязанности по рождению, воспитанию детей и работе на благо советского государства. То, что эта роль и этот статус женщины, определявшие для нее все в советскую эпоху, остаются базовыми и сейчас, в России XXI века, есть свидетельство того, что большевистская сексуальная революция, соединившая в себе элементы гендерной, семейной и собственно сексуальной революции, не завершена.

Об этом же свидетельствует и отношение к большевистскому эксперименту, которое сформировалось в России сейчас, через 100 лет после Октябрьской революции. Похоже, современные исследователи недооценивают тот опыт и то, как наиболее внимательные, проницательные современники тех событий описывали развитие процесса — постепенный отход от законов, гарантировавших свободу, к подчинению личности и семьи воле тоталитарной власти.

Вердикт о большевистской сексуальной революции, ставший более или менее общепринятой точкой зрения среди современных российских исследователей, вынес И. С. Кон. Он считал, что большевики с самого начала не ставили иной цели кроме полного подчинения населения железной воле власти и «законам коммунизма» — большевики с самого начала думали не об освобождении, а силой заталкивали тогдашнее общество в тоталитарный порядок, который они устанавливали.

Вместе с тем несомненно, что первый натиск революции, серия законов, которая была принята в первые годы советской власти, значили для российского общества чрезвычайно много. Что бы ни происходило потом, это начало — точка, к которой можно адресоваться, говоря о демократизации гендерных отношений и либерализации сексуальности. Так, доказано, что либерализация советского семейного законодательства, которая началась в брежневские времена, возрождала дух законов, принятых в самом начале советской власти и отвергнутых в 1930-е годы. А в 1990-е годы знаменитая 7-я статья Конституции СССР, в которой впервые прозвучала мысль о равной значимости материнства и отцовства, почти цитата из Кодекса законов о семье, который был принят большевиками.

Иначе говоря, событие сексуальной революции, как она выглядела в начале 1920-х годов, остается важным ресурсом либерализации семейного и гендерного законодательства и дискуссии о либерализации сексуальности и демократизации гендерных отношений.

Однако пока этот ресурс почти полностью дискредитирован. К доминирующему в академическом сообществе мнению, что сексуальная революция большевиков — только логический шаг в постепенном установлении государством тоталитарного контроля над личностью, примыкает и точка зрения власти, согласно которой «социальные эксперименты 1917-1920 годов» представляют собой сознательное разрушение семьи — «одного из оплотов самодержавия» и «связей между браком, религией и церковью» через узаконивание «фактического» брака (Концепция государственной семейной политики, 2013).

Очевидно, что отторжение, полная девальвация и дискредитация всего, что было сделано в период 1917-1920 годов, является важным элементом идеологии консервативного поворота, начало которого, как считается, можно датировать 2006 годом.

Очевидно также, что в неприятии события сексуальной революции, которое произошло в 1917 — начале 1920-х годов, сходятся либеральные исследователи и консервативная власть. Заодно мы отказываемся и от отечественных традиций женской эмансипации и эмансипации сексуальности, питающих русскую культуру и общественную жизнь по крайней мере с середины XIX века.

Отвергнув эту линию и сведя опыт сексуальной революции в России 1920-х к тоталитарному эксперименту, можно лишиться важного культурного ресурса критики и противодействия консервативному повороту. На наших

глазах он осуществляется методами насилия над обществом, которые «рифмуются» с не слишком отдаленным прошлым, когда «кавалерийским наскоком» вводились «законы свободы». Теперь, похоже, волевым способом пытаются ввести «консервативные» законы, представляя патриархальную семью в качестве идеала и мечтая о воспроизведении традиционного гендерного порядка.

Анна Тёмкина. Мне нравится тезис, что по некоторым критериям это была революция. Но мне не хватает здесь аргумента о решении узлового вопроса изменения интимной жизни, потому что все эти три закона — об изменении, говоря современным языком, гендерной системы, а не сексуальности как таковой. А сексуальность в принципе подчиняется закону о гендерных отношениях не напрямую. Можно разрушить патриархальную семью, но сексуальность останется такой, какой она была.

В этом смысле у меня ощущение, что законы касались скорее гендерных отношений, а то, что имело отношение к интимной сфере, — это то, что писала Коллонтай. Это была идеология? Да. И безусловно они связаны.

Такой вопрос: как соотносятся между собой сексуальность и регулирование семьи? Понятно, что они друг с другом связаны, но все-таки, мне кажется, что из принятия этих законов сексуальная революция напрямую не следует.

Ольга Здравомыслова. Дело в том, что название «сексуальная революция» принадлежит ее современникам, и я сразу сказала, что их понимание и сегодняшнее — различны. У них понятие «сексуальная революция» включает в себя семейную революцию, гендерную и сексуальную. Более близкое нам понимание сексуальной революции как трансформации сексуальности на уровне идеологии разделялось очень небольшой частью большевиков. Безусловно, они атаковали институт патриархальной семьи, но это было все в одном комплексе.

Другое дело, что изменение законодательства, прежде всего переворот в институте семьи и в положении женщины, повлияли на сексуальность и в то время. Это очевидно. И это прослеживается не только в идеологии, которую представляла Коллонтай, но и в эмпирических свидетельствах изменений сексуальности, которые происходили уже тогда.

Любовь Борусяк. На мой взгляд, это была прежде всего анти- семейная революция. Но обратимся к более раннему времени, поскольку все начало XX века можно считать предреволюционным. Это период серьезного увлечения фрейдистскими идеями, проблемами пола, появилось множество модных

романов, начались эксперименты, в которых участвовала элита тогдашнего русского общества. На мой взгляд, в период Революции произошло очень странное соединение политики и идеологии. С точки зрения политики все было понятно: буржуазную семью надо разрушить. Что касается сексуальности, то рассуждения о проблеме пола шли в элитарных кругах. В то же время в газетах за 1926-1928 годы можно найти данные о чудовищной эпидемии венерических заболеваний как последствий разрушения норм сексуального поведения. Там буквально как сводки с фронтов: в губернии такой-то 150 тысяч заболевших гонореей и сифилисом. Все фиксировалось, но непонятно было, что с этим делать, с этим, скажем так, «Крылатым Эросом» делать. Отчасти, может быть, вынуждены были ему крылья подрезать.

Ольга Здравомыслова. Нельзя все-таки напрямую выводить из «Крылатого Эроса» Коллонтай рост числа больных венерическими болезнями в революционной России. Это разные явления, у них нет единственной общей причины.

С.И. Голод назвал период 1920-х годов дионисийством. Конечно, надо учитывать время — Первая мировая война, Гражданская война, люди теряли представление о том, что есть норма. Тогда, безусловно, был хаос, и все же двигаться дальше можно было разными путями (по крайней мере какое-то пространство для маневра существовало). И та историческая траектория, которая была выбрана в результате, не являлась единственной и неизбежной. Поэтому так интересно и, я бы сказала, полезно для потомков анализировать то, как шаг за шагом большевики все сильнее сужали возможности выбора и в результате нашли единственный способ победить стихию, которую они, в конечном счете, не победили, но на какое-то время сковали железными рамками репрессивных законов и государственного насилия.

Елена Ярская-Смирнова. Появление информации об эпидемии венерических заболеваний — это своего рода поворотный момент, потому что об этом начали говорить публично. Распространенность венерических заболеваний раньше не отслеживалась так подробно и тем более не обсуждалась открыто. К тому же она была высокой не только и не столько в городах, сколько в сельской местности. Я ездила в киноархив, смотрела фильмы конца 1920-х годов о том, как немецкие врачи вместе с советскими выявляли огромное количество заболевших сифилисом и лечили их. Так вот, в основном эти заболевания передавались не половым путем, а бытовым. Именно отсутствие гигиены сыграло здесь первоочередную роль.

Ольга Здравомыслова. Спасибо, Елена, за это дополнение и уточнение. Я

хотела бы только подчеркнуть, что, несмотря на хаос, который царил тогда в головах и частично в поведении, масштаб вакханалии, которая разыгралась в 1920-е годы, существенно преувеличен. Но сейчас этот штамп используется очень широко. Если посмотреть, что писалось о сексуальной политике большевиков в связи со столетием Русской революции, то, прежде всего, это: общество «долой стыд», «разгул» венерических заболеваний, коммуны «вместо» семьи, «указы» об обобществлении женщин в разных губерниях и т. д. и т. п. Журналисты считают, что именно такой материал привлекает сейчас публику, но исследователи не могут принять эту информацию на веру и делать серьезные выводы, основываясь только на ней.

**Йенс Зигерт, руководитель программы «Общественная дипломатия»
ЕС и Россия 1968 года на Востоке и Западе Европы:
дискурс гендерного равенства в контексте культурной модернизации**

Наверное, нужно начать с того, что я не исследователь и не социолог. Я не столько буду говорить о сексуальной революции и тем более не о сексуальной революции в России, сколько о значительном ускорении социокультурных изменений, которые связываются сегодня с понятием «68-й год». Конечно, речь идет о 1968 годе как о кульминации процесса социально-культурных изменений на Западе и Востоке Европы, когда что-то изменилось настолько, что уже невозможно было повернуть назад.

Хотелось бы начать с высказывания известного политолога Ивана Крастева, написавшего о напряжениях, которые выросли внутри сегодняшнего европейского Запада, или ЕС, и которые Крастев прямо связывает с символическим 1968 годом. Он попытался это проследить на примере разделенной Германии и заметил, что западные немцы в 1968 году стали более космополитичными, восточные — более мнительными и недоверчивыми.

Действительно, 1968 год в прямом смысле усилил разные векторы развития общества на Западе Европы и на Востоке Европы (имея в виду социалистические страны Центральной и Восточной Европы). Потом пошли изменения, перестройка, социалистический блок развалился, и с тех пор долгое время эти различия были скрыты за фасадом осмысления произошедших изменений и адаптации людей к новой жизни. Но в 1989 году (цитирую Крастева) началась некая «эра имитации». Тогда от восточноевропейских обществ, которые «освободились от коммунизма», ожидалось, что они будут имитировать институты, быт, поведение и ценности тогдашнего Запада. И по

поводу этого существовало в принципе согласие внутри самих восточноевропейских и средневропейских обществ.

Последние 25 лет между старым Западом и частично новым Западом, конечно, существовали асимметричные отношения. И постепенно не только в России и бывшем Советском Союзе, но и в восточноевропейских, средневропейских, центрально-европейских странах начались процессы, которые, как очень долго было принято думать, были обусловлены реакцией людей, которые проиграли при посткоммунистической трансформации. В России так думают очень многие. Однако поляки, например, очень успешно трансформировались и трансформируются по крайней мере в экономическом смысле, но все равно скептическое отношение к ЕС у них выражено очень сильно.

Люди в этих обществах не говорят сейчас: «Мы не хотим быть европейцами». Но они говорят: «Не только вы, на Западе Европы, но и мы, на Востоке Европы, знаем, что такое европейцы». В отличие от этого российская реакция другая: «Мы не хотим быть европейцами, потому что вы решаете, что такое быть европейцами». Структурно эти реакции очень похожи.

В 1989 и 1990 годах в Восточной Европе и в Советском Союзе шел процесс самоосвобождения. Тогда у стран были определенные цели: одни (Восточная Европа) хотели выиграть, другие (Россия) хотели стать частью Запада, каким он был до Второй мировой войны. Внутри этих целей есть два главных обещания: обещание свободы и обещание экономического и социального благополучия. Оба этих обещания — и свобода, и благополучие — имеют предпосылки и побочные эффекты.

То, с чем мы сегодня сталкиваемся, — побочные эффекты, которые очень сильно связаны с 1968 годом, как раз на этом я хочу остановиться. Старый Запад в 1960-е годы или в 1968 году пошел на ускоренный режим модернизации. Она не была только экономическая или социальная, или сексуальная, или культурная, все эти виды взаимосвязаны. Но советский социалистический Восток Европы не был в состоянии следовать за модернизационным прорывом Запада и впоследствии отстал от него. На капиталистическом Западе происходила ускоренная социальная революция, в результате чего изменились, во-первых, отношения между государством и индивидом, во-вторых, отношения между женщинами и мужчинами (последние менялись принципиально).

Опыт 1968 года имеет два ракурса, связанных с Западом и Востоком. И то, что люди на Западе смогли добиться большей демократизации и свободы, произошло только за счет того, что они уже жили в гораздо более

демократических государстве и обществе, чем они сами предполагали. На Востоке как раз было наоборот. Здесь была весьма демократическая идеология, общества не были в точном смысле слова посттоталитарными.

Но 1968 год — это пока еще «время мужчин». В Германии феминистское движение, связанное с 1968 годом, началось с того, что одна женщина на крупной общегерманской конференции бросила помидоры на подиум исключительно в представителей мужского пола.

Говоря о различиях Востока и Запада Европы, я бы остановился на изменении положения не женщин, а мужчин, потому что именно здесь кроется главное различие, которое я сегодня вижу между западным и российским обществом. То, что женщина из объекта стала субъектом, произошло в большей степени на Западе, но и на Востоке Европы и в России также шло очень сильное и заметное изменение женской роли. Проблема заключается в том, что на Востоке Европы и в России почти не изменились мужчины. Напротив, на Западе они изменились очень сильно, вынужденно, не всегда добровольно, но изменились. И это новое явление на Западе связано и с появлением нового поколения мужчин. Если посмотреть на героев 1968 года, то поведение мужчин было еще очень традиционным, а сейчас это уже далеко не так.

Что же касается России, то рекомендую прочесть своего рода программную статью Владислава Суркова «Валентинка в багровых тонах». Этот известный автор считает, что Запад деградирует, показателем чего является нахождение у власти женщины, поскольку женщины всегда идут во власть во времена упадка. «Политические системы призывают женщин, когда выдыхаются после бурного роста и достигают в своем развитии поздней, терминальной стадии»². Но, утверждает Сурков, мужчины более умные, и потому, когда все разваливается, они отступают в тень, чтобы обдумать, что будет потом: мужчины «заняты настоящим мужским делом — изобретают и конструируют новую реальность, пока их спутницы управляют устаревшей. Женщинам они передали то, что сочли бесполезным — руль выработавшей ресурс, сломанной политической машины, которая уже не едет и не везет»³. Очень показательная статья, рекомендую к прочтению. Она ясно показывает, какие причудливые построения способен произвести ум, когда он, несмотря ни на что, продолжает сопротивляться очевидным изменениям.

---

² <http://ruspioner.ru/honest/rn/single/5725>.

³ Там же

Хелен Карлбак (Helene Carlback), Центр Балтийских и Восточноевропейских исследований, Университет Сёдерторн

Что значит быть хорошим отцом? Представления и практика в России в период позднего социализма

То, чем я занимаюсь, относится к разным сферам — к истории семьи, истории гендерных отношений, истории эмоций. Я продолжу начавшийся в предыдущих докладах разговор о гендерных отношениях — не о сексуальности.

Начну с цитаты. Сколько прекрасных поэтических строчек, которые прославляют мать и святую материнскую любовь, мы уже читали. И как мало эмоциональных строчек об отцовстве. Это позор, ведь отец выполняет специфическую роль в жизни семьи. Так было написано в журнале «Семья и школа» в начале 1960-х годов. Исследование, которое я провела, охватывает период с 1960-х годов до конца советского времени, оно посвящено представлениям об отцовстве и практиках отцовства в позднесоветский период в России. Я опираюсь на научную литературу о господствующих дискурсах маскулинности и отцовства во второй половине XX века. Эти тексты я использую как аналитические инструменты при исследовании материалов, опубликованных в журнале «Семья и школа. Журнал для родителей», а также при анализе результатов 11 глубинных интервью с российскими мужчинами. Интервью были посвящены опыту отцовства в 1960-1980-е годы. Главные вопросы моего исследования таковы: каким был идеальный опыт отцовства в этот период? О каких практиках вспоминают интервьюируемые и как соотносятся эти практики отцовства с представлениями и идеалами, существовавшими в тот период в официальном/публичном пространстве? Были ли различия между тем, как идеалы и практики отцовства представлены в официальном дискурсе и в воспоминаниях мужчин?

Нарративы отцов рисуют довольно разнообразную картину, в которой прямое отражение официального дискурса сочетается с идеалами и практиками, существенно отличающимися от официально принятых.

Кроме того, мое исследование ставило целью сопоставление собранного российского материала с результатами исследования отцовства на Западе. В частности, я рассматриваю вопрос о том, в какой мере можно говорить о существенном отличии отцовства в России от отцовства в странах Запада. Правильно ли говорить о том, что советский отец являлся маргинальной фигурой и что матери в одиночку, с помощью бабушек, несли всю

ответственность за воспитание детей (как утверждают некоторые исследователи советской модели отцовства)?

Несомненно, на протяжении того периода времени, который находится в центре моего исследования, представители более молодого поколения отцов играли важную роль, освобождая семью и прежде всего работающую женщину от многих домашних обязанностей и облегчая таким образом ее бремя двойной занятости. При этом многие исследователи советской России продолжали доказывать, что мужчины оказываются «ненужными», «излишними» и даже «нежелательными» членами семьи, в которой центральной фигурой была мать или часто бабушка. Однако собранные мною интервью подвергают сомнению такие упрощенные представления. Они показывают, в частности, что мужчины проводили дома значительную часть своего времени, и многие из них уделяли его детям. Те мужчины, кто этого не делал, чаще всего объясняли это необходимостью много находиться на работе.

В то же время необходимо признать, что мужчины, которых я интервьюировала, являлись представителями среднего класса и состояли в устойчивом браке. Я не рассматривала, например, случаи развода, отказа от выплаты алиментов на детей или отсутствия готовности к равной доле ответственности за воспитание детей от первого брака либо случаи, когда отцы бросили своих детей после развода ради детей в новой семье. Несомненно, рассказы таких отцов могут выглядеть совсем по-другому.

Ольга Здравомыслова. Пытались ли вы разработать типологию отцовства в позднесоветской семье? Если взято 11 глубинных интервью, то можно говорить об определенных типажах. Так, недавно было проведено исследование в Высшей школе экономики, в котором опрашивались отцы в семьях не среднего, а рабочего класса. Исследователи выделили три варианта роли отца: вовлеченный отец, отстраненный отец, инфантилизированный отец. Оказалось, что вовлеченный отец — это самый редкий тип. Разумеется, это надо проверять, но в России по-прежнему не так много исследований, сфокусированных на роли отца в семье и ее изменениях. Мне кажется, что картина, которую вы представили здесь, более оптимистическая, чем показывают советские и российские исследования.

Хелен Карлбак. Я всегда имею в виду вопрос о том, насколько отличались, скажем, советская Россия, социалистический Восток от Запада. И это, может быть, подталкивает меня к тому, что вы воспринимаете как оптимизм, но поведение советских отцов менялось в 1960-е, 1970-е и 1980-е годы. В своих статьях я об этом и пишу. И хочу заметить в заключение, что, в сравнении с

отцами в Швеции, российские мужчины-отцы больше идеализируют семью и меньше позволяют критики в адрес собственных отцов. Это вообще, наверное, свойственно российским традициям, где нет такого индивидуализма, какой традиционно существовал в Швеции. Когда читаешь исследования о шведских мужчинах, очевидно, что они относятся к своим отцам гораздо более критично, чем в России. Было бы интересно сделать такое сравнительное исследование на современном материале России и Швеции.

Ольга Исупова, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Сексуальность, репродукция: репродуктивные технологии и репродуктивные решения мужчин и женщин

Исследователи, сравнивающие архаичные культуры и атомизированные, фиксируют, что в современных культурах репродуктивные решения гораздо больше зависят от женщин, чем от мужчин. Соответственно, когда возникает бесплодие, мужчина не хочет об этом говорить, не хочет даже думать. Если он узнает, что бесплодие связано с ним, то начинает считать, что плохо выполняет сексуальную функцию, что все вокруг будут думать именно так. Поэтому об этом он должен молчать. Это тоже контроль над эмоциями, над проблемами. Но в результате проблему должна решать, конечно, женщина. Она имеет право страдать, показывать свои эмоции больше, чем мужчина. Характерны случаи, когда пара жила долго бесплодно, всю жизнь, а под старость мужчина женщине говорит: «Все-таки, я считаю, ты должна была что-то с этим сделать». Хотя, когда много лет назад они проходили обследование, которое показало, что проблемы у него. Но он говорит: «Ты должна была что-то с этим делать, и так, чтобы я не знал».

Приведу цитату из моего исследования на тему о том, как принимается решение в семье, и, соответственно, о том, что делает женщина, когда у нее и мужчины различаются взгляды: «...и операция по ЭКО. Очень хотелось ребенка. Справки все собрали, анализы сдали, даже квоту получили. Муж все время подбадривал меня. То есть это такая... роль — все для женщины. Говорил, что все будет... будет долгожданный ребенок. Вместе таскались по больничкам. Мне сделали укол, после которого яичники не работают. Дальше назначили стимуляцию. Сказали, что мужу нужно все анализы сдавать. То есть он до сих пор не сдал, а по протоколу должен был сдать гораздо раньше. А он испугался и передумал. И отказывается во всем, порвал все направления к врачу. Испугался, что финансово не потянет. Хотя я ему твержу, что деньги — не главное, а просто стимул. Теперь у меня руки совсем опустились. Жить не хочу с этим человеком».

вообще».

Существует классическая ситуация, когда беременность уже есть, и решается вопрос о том, рожать ребенка или делать аборт. Женщина сообщает, что она беременна. Мужчина может поддержать ее, а может сказать: «Ну, это твои личные проблемы, решай сама». Или он может сказать: «Вот деньги — иди делай аборт».

Что такое репродуктивное решение, как долго оно длится? Как это связано с сексуальностью, с тем, что здесь сексуальность фактически уже отделена от репродукции? На интернет-форумах об этом пишут только женщины. А что при этом думают мужчины? Может быть, они считают, что это продолжение сексуальной жизни — и все? И нет никакой ответственности, пока нет ребенка. Когда я интервьюировала мужчин, они (хорошие, нормальные отцы) часто говорили: я понимаю, что это мой ребенок, когда он уже есть, когда я взял его на руки, а все, что было до этого, — это еще сексуальная жизнь, в частности все эти ситуации с уколами, деньгами и справками.

Женщины считают, что у них есть преимущественное право решать, должен ли ребенок появиться на свет. Например, женщина, состоящая в браке, говорит: «Если у нас нет детей, то для чего я вообще веду хозяйство, ублажаю родственников мужа? Я не мечтала всем этим заниматься. Это все нужно только тогда, когда у нас будут дети».

Другая респондентка рассуждает: «Ребенок останется навсегда, мужья — переменная величина. Если вы решили, что хотите стать мамой, то нужно к этому идти несмотря ни на что. Он мне не муж, мы не расписаны, десять лет вместе живем. Сначала не предохранялись, но потом, когда я стала понимать, что... не получится забеременеть, решила на ЭКО, даже спермограмму сдали. Но потом он динамо включил, а после конкретного разговора отказался во всем этом участвовать. Ему 38 (лет), видите ли, уже поздно. Начался подбор доноров спермы, естественно, не анонимных. Не понимаю тех девочек, которые даже видеть их не хотят. Как исходник не посмотреть, гены важны...»

У этой респондентки в итоге оказалось все не так плохо: достаточное количество мужчин готовы были помогать в этом нелегком деле. Один очень ей понравился, дважды она с ним попробовала ЭКО. Ничего, к сожалению, не получилось. Уже три раза она делала ЭКО, ничего не рассказывая своему партнеру, с которым продолжает жить. Нельзя сказать, что это в чистом виде обман — она просто делает то, что хочет она. А потом она ему расскажет, и дальше он будет решать: оставаться ему или уходить. Ее логика: ты сам не захотел участвовать в проекте, и я решила делать то, что я хочу.

Возникает несколько измерений: сексуальность, экономическая составляющая (кто кому дает деньги, а кто ведет хозяйство), дети (каким образом они должны появляться и как, кто принимает решение). Но главное — женщины уверены в своем абсолютном преимущественном праве решать: быть или не быть ребенку.

Случается и противоположная ситуация — муж настаивает на ребенке, но не получается, и надо делать ЭКО. Жена говорит: «Почему я должна делать ЭКО ради тебя? Мне это не нужно, я не хочу калечить свой организм». Ее можно понять, потому что действительно это небезвредно. Но главное то, что мужчины в каких-то ситуациях начинают приходить к мысли, что нужно принимать репродуктивные решения совместно.

Важность репродуктивных решений и способов их принятия связана с тем, что для женщин и, как правило, для мужчин базовый контракт брака — это дети, без которых брак теряет смысл. Если мужчина не хочет иметь детей, женщина рассматривает это как обман, мошенничество, даже как предательство. Поэтому женщины готовы на обслуживающую, традиционную женскую роль только при наличии ребенка (детей). Они воспринимают свою роль в браке не как традиционный долг, а как результат отношений обмена, договоренности, поэтому, например, если женщина-домохозяйка слышит от мужа, что «Денег нет», она отвечает: «Меня это не касается», поскольку приносить деньги в семью — это не ее, а его (мужчины) обязанность в браке.

Юлия Градскова, Центр Балтийских и Восточноевропейских исследований, Университет Сёдерторн

Капитализм, неравенство и новое «открытие» сексуальности в России после 1991 года

Прежде всего важно подчеркнуть, что сексуальность оказалась политизированной именно в 1960-е годы в Западной Европе, и в каждой стране это было по-разному. Иными словами, я бы не рискнула говорить о чем-то общем. Хотя есть немало публикаций, в которых сравниваются разные европейские страны: есть требования свободной любви, права однополых пар. И одновременно с изменениями сексуальной морали нередко те же авторы требовали социальной справедливости в целом или выражали солидарность с народом Чили, или выступали против апартеида в Южной Африке. Это молодежные движения требовали изменения общественных институтов,

законодательства, культурных практик в странах Западной Европы. Таким образом, любая попытка говорить о сексуальной революции на Западе в целом, в отрыве от обсуждения политической атмосферы, социальных движений 1968 года представляется существенным упрощением.

Если говорить о Швеции, сексуальная революция в ней, как считают некоторые историки, началась намного раньше 1968 года: еще с 1930-х годов — с распространения сексуального просвещения или с формирования организаций, защищающих права сексуальных меньшинств в 1950-е годы. Другие исследователи утверждают, что сексуальные нормы в представлении шведского общества претерпели существенное изменение именно в период 1960-х, когда происходит либерализация цензуры в кино, становятся общепринятыми кинематографические презентации различных направлений сексуальности. Это стало возможным в результате поддержки изменений как представителями крупных партий — либеральной и социал-демократической, так и кинематографистами и вообще деятелями культуры. Отмечается широкое распространение публикаций, которые пропагандировали обсуждение проблемы стыда в семейной жизни, супружеской жизни, в сексуальных отношениях.

Можно отметить изучение представлений о женской эмансипации на примере движения, утверждавшего новое самосознание женщины, идентифицирующей себя как лесбиянка (1975 г.). Это тоже часть событий 1960-х годов. Оно было спровоцировано тем, что лесбиянки оказывались невидимыми в женском движении, а в организации защиты сексуальных меньшинств доминировали мужчины.

Сексуальная революция 1968 года развивалась в контексте критики политической системы, новых форм повседневного общения, роста самосознания, что очень часто было связано с совместным проживанием — общинами, коллективами. Развивалась критика потребления, пересмотр норм выполнения домашней работы, ухода за детьми и замкнутости семейной пары. Меняется законодательство: в 1971 году вступает в силу Закон об индивидуальном налогообложении, в 1975-м — об аборте, проходит массовая кампания за то, чтобы каждый ребенок посещал детский сад. Таким образом, изменение норм морали и сексуального поведения для мужчин и женщин было переведено в очень широкий контекст требований, например в виде социалистических лозунгов. Это было очень коллективистское направление.

Теперь перейдем к тому, что происходило в России в 1990-е годы. Для анализа я взяла материалы телепередачи «Я сама», первые книги психолога

Николая Козлова, который основал клуб «Синтон», и книгу Дарьи Асламовой «Приключения дрянной девчонки».

Телешоу «Я сама» многие знают и помнят. Его основная тема — гетеросексуальные и брачные отношения, гомосексуальные остаются за рамками передачи. Уже название «Я сама» указывает на то, что в центре внимания — героиня и ее выбор, женщина как бы должна менять свое поведение и каким-то образом приспособливаться к новой ситуации. Постоянно обсуждается проблема личного выбора, личной ответственности женщины за свою судьбу и счастье. Ведущая, героиня, комментаторы нередко высказывают моральные суждения. Но вместо жестко прописанных правил поведения предлагается новая мораль, которая оказывается более гибкой и доступной для различных толкований. Участницы передачи отличаются от активисток женского движения, например, в Швеции, прежде всего нежеланием говорить об общественных проблемах и тем, что все переводится на индивидуальный уровень, подается в индивидуальном ключе. Например, героиня считает себя некрасивой — понятно, что это не является какой-то глобальной общественной проблемой.

Семья как социальный институт не критикуется, а гетеросексуальные нормы не ставятся под вопрос, мужские роли пересматриваются в гораздо меньшей степени, чем женские. В целом происходит очень осторожный пересмотр гендерных ролей и главным образом поднимается проблема личной ответственности. Такой подход открывает возможности для современного консервативного поворота и пересмотра революции интимности, которая происходила в России 1990-х годах.

Психолог становится важной фигурой российской революции интимности — ведущая телешоу актриса Юлия Меньшова, ссылаясь на психолога, говорит, что женщины без мужчин ей неинтересны. И в общем-то очень легко от такого рассуждения о личном выборе перейти к обвинению женщины в том, что она совершает неправильный выбор. Иными словами, все замыкается на женщине. Передача «Я сама» исходит из того, что женщины и мужчины гетеросексуальны, но различаются по своей природе. И именно природные различия определяют коммуникацию в семье, а неравенство представляется условием и результатом пересмотра общественной морали. Создание семьи или начало и сохранение партнерских, интимных отношений, поскольку пропагандируется сексуальная свобода, оказывается некоей разновидностью предпринимательства: в конкурентной борьбе выживает та, которая лучше поняла свои интересы.

Клуб «Синтон» — мой второй источник материалов для анализа — был

достаточно популярен в начале 1990-х годов. Он открылся еще в 1980-е на базе молодежного центра «Маленький принц», но широкая популярность наступила именно в начале 1990-х. Посетителями клуба были в основном молодые люди до 30 лет, надеявшиеся найти друзей и потенциальных партнеров для сексуальных и брачных отношений, найти работу или возможность для дополнительного заработка. Вопросы семьи, сексуальных отношений всегда занимали важное место в работе клуба и во всех публикациях Козлова, которые до сих пор можно купить в некоторых книжных магазинах и в интернете. Книги Козлова критикуют советскую семью, где семейные отношения держатся скорее на чувстве долга, чем любви, где сексуальное желание и чувства скрыты за рамками приличий. Козлов призывает освободить сексуальность от стыда и рассматривать семью и сексуальные отношения как объект договоренности и здравого смысла. Первые книги Козлова предлагают достаточно широкие возможности. Хотя, с одной стороны, женщина должна быть матерью, женой, хозяйкой дома, но, с другой стороны, предполагается, что молодая девушка может пробовать, выбирать разные пути в жизни, в том числе проституцию, если она умеет предохраняться.

Книга Дарьи Асламовой «Приключения дрянной девчонки» впервые увидела свет в 1994 году и с тех пор переиздана много раз. Это одна из первых откровенных книг о женских сексуальных приключениях. Автор с гордостью описывает завоеванных ею мужчин, публичный праздник по поводу потери девственности и подробности сексуальной близости, в том числе с известными людьми. Вот цитата: «Сексуальное влечение, оказывается, не связано с сильными эмоциями и любовью, а представляется средством для достижения других целей». Это очень напоминает многие пассажи Козлова. При этом нередко в рассказы о сексуальных приключениях вплетаются характерные комментарии: Асламова пишет о «ленивых латиноамериканцах», «якобы угнетенных неграх» и т. д. И все они представляются, прежде всего, как объекты, которые можно использовать для удовлетворения сексуального желания автора. Активная сексуальность не является чем-то постыдным, по ее мнению, наоборот, это гарантирует новую социальную позицию в обществе и является важным средством для приобретения положения в обществе, известности и респектабельности.

Как представляется, утверждение новой сексуальной морали и чувственности в постсоветской России было непосредственно связано с утверждением различий — между мужчиной и женщиной, между представителями различных классов, наций, то есть различия были в центре

неравенства, что вело к обесцениванию равенства как важной общественной ценности. В постсоветской сексуальной революции это проявилось особенно ярко, и это очень серьезно отличается от того, что происходило в 1960-х годах в Европе, например в Швеции, где сексуальная революция развивалась в рамках левого коллективистского проекта и радикальной критики семьи как буржуазного института.

Конечно, следует сравнивать гендерные дискурсы в 1960-е и 1990-е годы в более широкой перспективе. Можем начинать даже с XIX века: та же самая двойная мораль обсуждалась и в России, и Швеции. А идеи, которые в 1920-е годы появились в России, прозвучали в революциях 1968 года на Западе, в Швеции в частности.

Подводя итог, подчеркну, что моей целью было не сравнить буквально 1968-й в Швеции и 1990-й в России, а обратить внимание на то, насколько различалось сочетание дискурсов в Швеции и России и к каким разным результатам это привело.

Ольга Здравомыслова. Вы очень интересно показали, как происходило открытие сексуальности внутри неолиберального дискурса в России в 1990-е годы. Собственно, этот дискурс был доминирующим, и, как мы помним, исследовательницы феминистской ориентации назвали 1990-е годы «патриархатным ренессансом». Но я бы не сводила «открытие сексуальности» в 1990-е годы только к этой тенденции — ведь именно тогда началось возрождение феминистского движения в России, рост числа независимых женских организаций. Фактически началось создание женского коллективистского проекта. Кстати, он был близок к успеху, конечно, повлиял на либерализацию сексуальности, стимулировал дискурсивную сексуальную революцию, о чем говорила в своем докладе Анна Тёмкина.

Это было очень неоднозначное время — возможно, даже более неоднозначное, чем начало 1920-х годов. Действительно, в 1990-е общество было гораздо культурнее, гораздо более развитое и восприимчивое, но все происходило через конфликт неолиберального представления о свободе и коллективистского проекта — это отразили новые представления о сексуальности.

Юлия Градскова. Именно поэтому всегда есть проблема с 1990-ми. Да, был такой проект «женщина — домохозяйка, мужчина — глава семьи». В сексуальной сфере это скорее напоминает революцию, и это позитивно: женщина сама выбирает, сама решает. Но важно понимать, насколько это ограниченный выбор.

Ольга Здравомыслова. И важно понимать, что основной стала проблема неравенства. Поэтому в 1990-е годы в России открывается дискурс гендерного равенства.

Юлия Градскова. Я имею в виду популярные дискурсы.

Ольга Здравомыслова. Это входило и в популярные дискурсы. Ведь именно в 1990-е годы был интерес СМИ к российским феминисткам и исследовательницам с приглашением к дискуссии, к просветительской деятельности. С этой точки зрения российская сексуальная революция 1990-х годов ждет своего исследования.

Реплика. В середине 1990-х я заканчивала школу, тогда на нас обрушилось большое количество порнофильмов. В Москве открылись видеосалоны, и все побежали эти фильмы смотреть. Еще не окрепшие люди смотрели и думали, что так и должно быть, что это норма.

Любовь Борусяк. Несколько лет назад мне пришлось участвовать в передаче, посвященной сексуальной революции. Один из ее участников был фотографом, который в 1990-е годы сделал огромное количество снимков по заказу, по-моему, англичан или немцев, для фотоальбома «Русская сексуальная революция». Так вот, в этом альбоме оказались исключительно фотографии проституток. Я, конечно, восприняла это как карикатуру на то, что происходило в действительности. И то, что Вы рассказали сейчас, далеко не все, с чем связывается сексуальная революция 1990-х.

Ольга Здравомыслова. Это аналогично тому, что вы говорили про 1920-е годы, когда акцент делается исключительно на росте числа венерических заболеваний. Как это конструируют средства массовой информации — отдельная тема.

Реплика. Желтая пресса именно тогда появилась. Помню картинки на первых страницах газет.

Ольга Исупова. Допустим, это все так. Но если говорить о личном опыте, я помню в моей студенческой среде говорилось то же самое — без всякой порнографии из газет. Так что процесс начался гораздо раньше.

Елена Онегина, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

От запретов к вседозволенности и обратно: отношение к негетеросексуальности в современной России

Хотела бы представить вашему вниманию, в каком контексте существует современная негетеросексуальность. В современной России можно наблюдать агрессивное дискурсивное продвижение консервативной идеологии. На этом

фоне в медийном пространстве происходит усиление проблематизации ЛГБТ-сообществ и вопросов гендерной идентичности. Дискурсивно создаются определенные модели правильного сексуального поведения, семейной жизни — прежде всего образ гетеросексуальной и многодетной семьи, одновременно формируются моральные паники относительно проявлений сексуальности, которая не вписывается в эту нормативную модель. Такое положение поддерживается законодательно и влияет на повседневную жизнь людей, если она по тем или иным причинам не вписывается в эту модель.

Защита традиционных ценностей становится составной частью политики идентичности. И обсуждение вопросов сексуального образования и гендерного неравенства оказывается основанием для конфликтов, которые разделяет современное общество, особенно молодежь. Вместе с этим демократические ценности, в том числе ценности толерантности и гендерного равенства, рассматриваются на уровне федеральных СМИ как «западные», чуждые российскому менталитету и образу жизни, не являющиеся «традиционными русскими ценностями». Эта идеология поддерживается законодательством. В результате ЛГБТ-молодежь, тем более несовершеннолетняя, становится невидимой группой как на уровне дискурсов, так и на уровне практик. В последнее время можно также наблюдать усиление влияния церкви на государственную, публичную политику и на регулирование сферы семейной жизни и сексуальности.

Несмотря на влияние «консервативного поворота» в публичном пространстве заметно актуализируются дискуссии о сексуальности, праве на частное, приватное. Эти дискуссии концентрируются в новых медиа, чаще всего в источниках, которые находятся в интернете, на независимых порталах, журналисты и исследователи регулярно привлекают внимание аудитории к вопросам телесности, сексуальности и нормативности.

Есть некоторый положительный эффект такого «неспокойного» отношения идеологов, пропагандистов и политиков к ЛГБТ, поскольку оно сильно влияет на популяризацию и распространение информации. И если опираться на опросы общественного мнения, оказывается, что после 2013 года люди стали больше реагировать и отвечать на вопрос, что такое гомосексуальность.

Особенно остро встал вопрос после принятия в 2013 году Государственной думой статьи 6.21 «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних», которая дополнила Кодекс об административных

правонарушениях. Что изменилось с принятием этого закона ⁴ ? Он не применяется для привлечения к административной ответственности как таковой, так как термин «пропаганда» очень широкий (об этом много уже говорилось). Но закон очень сильно влияет на деятельность активистов, активистских организаций, правозащитных организаций — так, любая деятельность активистов может быть остановлена и прекращена вследствие этого закона.

Острая проблема, которую практически не поднимают на государственном уровне, — это преступления ненависти и убийства на почве ксенофобии, трансфобии и т.д. Такого типа убийства и преступления ненависти не фигурируют никоим образом в уголовном законодательстве, так как ЛГБТ-граждане не существуют как социальная группа в глазах законодателей.

С ужесточением ситуации ЛГБТ-сообщества в России и в частности в Санкт-Петербурге начали активную работу по объединению разных сил: феминистского движения, зоозащитников, разнообразных гражданских инициатив для того, чтобы каким-то образом разрешать сложившуюся ситуацию. Один из способов — это жесткое сопротивление, протесты и миграции. И многие активисты и ЛГБТ-люди уезжают из России. Но часть граждан хотят жить в своей стране, потому что они ее граждане и патриоты. Поэтому они отстаивают свои права теми доступными способами, которые остались, исходя из того, что их публичные акции тоже регулируются.

Многие акции солидарности, протесты переползают в онлайн-пространство, которое становится большой площадкой для объединения неравнодушных людей, что обладает большим гражданским потенциалом.

В последнее время ЛГБТ-активисты включают в свою повестку широкий спектр вопросов. Можно сказать, что, вовлекаясь в активизм сейчас, человек несет прежде всего индивидуальную ответственность за последствия, которые могут происходить. Несмотря на сильную поддержку сообщества и, например, оказание психологической, юридической и прочей помощи, чаще всего индивид несет персональную ответственность. Каждый для себя должен решить, готов ли он выходить на улицу с пикетом или публично говорить о себе, когда идет замалчивание и осуществляется более жесткий контроль. Продвижение консервативной идеологии в России и только традиционных ценностей принуждает людей, включенных в сообщество или так или иначе включенных в национальные гендерные презентации, придумывать новые креативные

---

⁴ Статья 6.21 «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних» введена Федеральным законом от 29 июня 2013 г. № 135-ФЗ. — Прим. ред.

способы, чтобы донести информацию, просветить сограждан и снизить степень гомофобии и агрессии в российском обществе.

**Любовь Борусяк, Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики**

Происходит ли в современной России сексуальная контрреволюция ?

Известно, что секс — это вещь потенциально очень опасная. Это зона человеческой приватности. Это зона личной ответственности, если государство делегирует человеку право распоряжаться своим телом. И в этом смысле в истории человеческая сексуальность была, конечно, очень сильно репрессирована именно потому, что если ее выпустить на свободу или дать свободу «Крылатому Эросу», то всегда существует подозрение, что это будет иметь какие-то негативные последствия.

И не случайно, естественно, как только начинается политическая либерализация, зона ответственности, которую на себя накладывает государство, как шагреневая кожа начинает сжиматься. И, наоборот, когда режим ужесточается, гораздо шире становятся те области, куда государство считает себя вправе вмешиваться, не доверяя субъектам коммуникации в этой области самим отвечать за свои поступки.

Сексуальная революция начинается с того, что репрессированная прежде тема начинает артикулироваться, но она становится не просто социальным явлением, а приводит к революции в тот момент, когда затрагивает экономическую, социальную и политическую сферы. Все это у нас началось в перестройку и происходило до второй половины 1990-х годов. В 1996 году внедрение программы полового воспитания в школы страны было приостановлено, как было сказано, «из-за возмущения со стороны родителей и общественных организаций». Далее я перечислю несколько тезисов.

1. Экономическая функция семьи была и в патриархальном обществе, потом постепенно ослабевала. Это продолжается и до сих пор, здесь ничего не изменилось.

2. Секуляризация общества. В России этот процесс идет в обратном направлении. И то, что программы сексуального просвещения в школе рухнули, связано с этим непосредственно. В чем это проявляется, если говорить о сексуальности? В том, что аборт стал проблемой прежде всего моральной, которая рассматривается строго с религиозной точки зрения: поскольку душа

зарождается в момент зачатия или даже до зачатия, она уже содержится в сперматозоидах, поэтому аборт — это настоящее убийство.

3. Сексуальная революция всегда сопровождается тем, что на практическом уровне идут процессы либерализации, например в отношении к добрачному сексу. В России этот процесс шел давно и очень высокими темпами. В связи с тем что все-таки возраст вступления в брак растет, вряд ли что-то изменилось в плане допустимости добрачного секса.

4. Внебрачный секс. Здесь сложнее: к супружеским изменам отношение неопределенное. Была некоторая либерализация, но последний опрос Левада-Центра показал скачок негативного отношения к супружеским изменам как морально недопустимым.

5. Либерализация нетрадиционных сексуальных практик и отношения к гомосексуальности, снижение гомофобии. В этом плане идет, конечно, существенный откат. По последним опросам, после принятия закона о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних в 2013 году тема, которая не была главной и слабо артикулировалась, резко актуализировалась. После принятия закона студенты начинают заявлять, что гомосексуализм — самая острая общественная проблема.

Что сейчас самое важное и интересное? То, что это напоминает реакцию на знаменитые «Отчеты Кинси». Когда в 1948 году вышел отчет Альфреда Кинси «Сексуальное поведение самца человека», а в 1953 году — «Сексуальное поведение самки человека», Америка, которая гордилась своими традиционными консервативными ценностями, как будто впервые увидела себя и была потрясена. Началась реакция, а в 1960-е годы — уже сексуальная революция.

На ценностном уровне у нас идет регресс, который я несколько утрированно назвала «контрреволюцией». Но ценности и практики в ситуации репрессий могут очень сильно различаться. И то, что репрессируется, не артикулируется, загоняется вглубь, и разрушает социальность.

Люди во многом уже восприняли «новые» консервативные ценности, и опросы об этом свидетельствуют. На уровне практик они ведут себя иначе. Разрыв практик и ценностей — это тоже черта сексуальной контрреволюции. Но в то же время это дает основание предполагать, что изменения в ценностях возможны. Как говорил Альфред Кинси, когда его спрашивали, вреден ли онанизм: «Я этого не знаю, но я это выясню».

Ольга Здравомыслова. Выступление Любови Борусяк приглашает к

дискуссии. Она привела убедительные доказательства резкого усиления консервативной тенденции в обществе. Но нельзя не признать, что противоположная тенденция — либерализация, культурная модернизация — стала настолько сильной, что консервативный поворот, охранительная реакция выглядят скорее как страх, моральная растерянность от неспособности жить в изменяющейся реальности. Об этом хорошо говорил Йенс Зигерт, напомнивший знаковую статью Владислава Суркова по поводу временно отступивших мужчин, которые все равно прорвутся и займут главное место. Йенс связал это со страхом и неспособностью принять новый мир.

Разумеется, это совсем не благодный мир, и он наступил «после 1968 года». Но это мир, в котором не может быть того, что произошло, например, в советской России, когда вслед за попыткой освобождения установилось тоталитарное подавление личности и общества. Это было и срывом первой сексуальной революции в России.

Любовь Борусяк говорила о том, что сексуальная контрреволюция произошла не на ценностном уровне. Но, возможно, мы не понимаем еще, что произошло на ценностном уровне общественного сознания.

Любовь Борусяк. Буквально вчера появился очередной опрос Левада-Центра, в нем есть вопрос про качества мужчин, которые ценят в них женщины. И вдруг выясняется, что с 2014 года уменьшилось число ответов, в которых таким качеством называли порядочность.

Ольга Здравомыслова. Вопрос, которым хотелось бы закончить нашу дискуссию, скорее риторический. Если оттолкнуться от тезиса Йенса Зигерта, что западные общества прошли в 1968 году точку невозврата и обратное движение уже невозможно, правомерно ли сказать, что российское общество тоже прошло свою точку невозврата? Пока можно утверждать лишь то, что все происходит через острый, причем публичный, конфликт и политизируется. Вспомним хотя бы случай депутата Слуцкого, который здесь уже упоминали.

Ольга Исупова. Небольшая ремарка. Насчет того, может ли общество, которое уже модернизировано, хотя бы частично вернуть что-то из архаического прошлого. Если судить по демографическому показателю — такому, как среднее число детей на женщину, то демографический переход произошел на всей территории России. Вместе с ним и все соответствующие остальные изменения. Конечно, они происходят в разных формах. Скажем, где-то женщины надели хиджабы и т. д. Но теперь в соцсетях они их снимают. Женщины везде работают, и детей у них тоже, как правило, двое, если уже даже не меньше.

Любовь Борусяк. Похоже, те женщины более модернизированы, чем

иные женщины в Центральной России.

Ольга Исупова. Все угодно можно делать, но люди, конечно, не будут лезть на танки, не будут стремиться, чтобы их забили камнями, но они постараются придумать что-то другое, свое, по-тихому.

Кто-то довольно остроумно заметил, что Слуцкий — порождение пережитков крепостного права в нашем обществе. И дело в том, что мы, наконец-то, больше не хотим быть крепостными.

Надежда Ажгихина, факультет журналистики МГУ.

Во-первых, соглашусь с тем, что мы прошли точку невозврата. Думаю, что идет какое-то проникновение в разные сегменты информационного пространства, что очень позитивно. Это началось у нас в перестройку и продолжается. Как непосредственный участник этого процесса я вижу здесь колоссальный прогресс. Даже, несмотря на всю распространенность патриархальной риторики, она все-таки уходящая натура. Я регулярно общаюсь с молодыми людьми, которые ничего этого не смотрят, не читают. Они нажимают на кнопку, например, telegram, и через три минуты знают, что здесь происходит. И у них на это есть свое мнение.

Мне кажется, что не может быть возврата к прошлому — ни к советскому, ни к лагерному. Хотя возможно, что именно с лагерным прошлым и с лагерной практикой связана эта наглость Слуцкого. Это что-то очень глубинное.

Ольга Здравомыслова. В завершение разговора хочу поблагодарить всех его участников — выступивших и слушавших о постсоветской сексуальной революции. Совершенно очевидно, что эта тема необъятна, в ней много смысловых пластов, личное переплетено в ней с гражданским и политическим.

Мы будем продолжать наши исследования и дискуссию.